

САМОЗВАНСТВО КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

М.С. АРКАННИКОВА

С появлением в России Лжедмитрия I в результате политического кризиса рубежа XVI — XVII вв. проявления самозванства стали характерной составляющей политического процесса вплоть до начала XIX в. Сравнительно долгое существование в политической истории России самозванцев (относительно стран Западной Европы¹) является одной из национальных особенностей процесса политической модернизации. Кроме фактов политического самозванства, в истории существуют прецеденты иного вида самозванства, которые условно можно классифицировать по тем целям, которые преследовали самозванцы. Например, принятие Иаковом имени его старшего брата с целью получения отцовского благословения, сулившее ему богатство², можно определить как бытовое самозванство, основанное на обмане с целью личной выгоды. К такому типу самозванства можно отнести людей, посягавших не только на чужие имена и фамилии³, но и на чужие звания и должности: «тайных агентов, сыщиков», «земских начальников», адвокатов, «тайных ревизоров»⁴.

В XVII — XVIII вв. в России было распространено так называемое религиозное самозванство, когда человек заявлял окружающим о себе как о Мессии, пророке или святом. С точки зрения православной церкви, всякий человек, притязавший на обладание высшим сакральным статусом, — самозванец, если он не связан с ней и не получил с ее стороны признания⁵. Известно также литературное самозванство, когда некое произведение приписывалось какому-нибудь известному лицу для придания сочинению большего авторитета.

Во всех перечисленных выше примерах присутствует факт «подмены» («замещения» — С. Хант, «агентуры» — Х. Линц). Представляется, что если существует самозванное притязание на любое чужое имя или титул (не связанное с верховной властью), и претендентства на политичес-

кую власть нет, то доминанта анализа понятия «самозванство» переходит в плоскость социологии, психологии, и требует специального изучения. Вычленение психологической компетенции как одной из составляющих человеческого капитала свидетельствует о глубинном антропологическом архетипе проявлений самозванства (как политического, так и иных форм), заслуживающем самого пристального исследовательского внимания (в том числе в философском, культурологическом, социологическом и политологическом контекстах). Иными словами, использование методологического синтеза, тонких исследовательских технологий на стыке разных гуманитарных наук, несомненно, обусловит плодотворное изучение заявленного феномена, который остается значимым объектом современного исследовательского поля.

Понятие «самозванство» достаточно давно вошло не только в лексику славянских народов⁶, но и в научный дискурс отечественных исследователей. В современной отечественной литературе:

— *аргументирована и определена его этимология* в широком (как «незаконное присвоение себе чужого имени, звания»⁷) и узком (как «эпитет человека, присвоившего себе имя царя или кого-нибудь из членов царского дома в борьбе за политическую власть; предъявляющего права на престол» — т.е. политическое самозванство⁸) смыслах; в частности, осуществлена попытка совершенствования терминологического аппарата предмета исследования⁹.

— *конкретизированы основные методологические подходы к изучению политического самозванства*¹⁰.

Так, одно из направлений можно обозначить как социально-политическое. В данном направлении самозванство изначально рассматривалось достаточно однозначно: в социальном плане это явление трактовалось как одна из форм «антифеодального протеста», в плане политическом представлялось как борьба за власть. Историографическая парадигма самозванства формировалась в условиях идеологической и политической ситуации советского периода; она была своего рода «резервуаром» аргументов, формой идеологического обоснования легитимности, где «любые фак-

ты автоматически укладывались в жесткую классовую схему»¹¹. Так, не учитывалось то, что не все самозванцы получали социальную поддержку. Поскольку все эти обстоятельства большинством исследователей рассматривались как составляющие элементы «феномена самозванчества» (без четкого разграничения политической и иных форм самозванства), они явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений о самозванстве и закономерно обуславливают новое обоснование проблемы.

Другой подход ориентирован на учет институциональных факторов (династическая преемственность, в частности, изменение легальных и легитимных норм преемственности власти; снижение эффективности политики) проявления самозванных притязаний на власть, и признание этих претензий различными социальными группами¹².

Следует отметить, что в рамках данного направления в последнее десятилетие появляются публикации, в которых осуществляется попытка отойти от традиционного для советского периода осмысления политических притязаний самозванцев. В то же время проблема зачастую остается предметом не специального политологического анализа, а, скорее, публицистического и научно-популярного освещения. Данные исследования, если и расширяют представления о социально-политических кризисах, обуславливающих движения самозванчества как формы политического протеста в XVII – XVIII вв., но не разъясняют причин этого явления в политической истории России, «сужая» тем самым, хронологические рамки исследования. Исключение составляют результаты дискуссий философов и историков на семинаре «Самозванство и самозванцы на Руси: прошлое и настоящее» (1993), а также политологов на Международной научно-теоретической конференции «Легитимность власти в России: история и современные проблемы» (1994), представленные в виде тезисов, которые, однако, так и не стали фундаментальными исследованиями самозванства (в том числе и самозванчества) как объекта политологического анализа¹³.

Социально-психологическое и культурологическое направления рассматривают самозванство как особый культурно-исторический феномен. Монографический анализ само-

званных притязаний в России XVII – XVIII вв. в контексте концепций социальной психологии представлен такими исследователями, как: А.И. Клибанов, А.С. Мыльников, Б.А. Успенский, В.М. Живов, В.М. Соловьев, К.В. Чистов, О.Г. Усенко, В.Я. Мауль, П.В. Лукин. Заслуживают внимания концепции новой политической персонологии, согласно которым источник самозванства коренится в утрате личностью своей идентичности и связывается с переходом от статусной идентификации личности к ролевой, что в разное время наблюдается в обществах, втягиваемых в орбиту современной цивилизации¹⁴;

– *разработана типология политического самозванства.*

Отечественные исследователи выделяют следующие характерные самозванческие типы: нарушитель канонов (самозванец, претендующий на власть не по «правилам игры» легитимных монархов); «мужицкий» царь (самозванец, выступающий за интересы народа)¹⁵; самозванец-защитник (заступник народа от произвола чиновников, изменивших «законному государю»: он руководствуется «деятельностью для другого»; мотив его самозванства – различные мирские «несправедливости», его действие направлено на установление традиционного социального порядка; его цель – привлечение внимания властей к решению конкретных социальных проблем и попытки вмешательства в процесс принятия политических решений); самозванец-мошенник (преследует личную, в том числе материальную выгоду: это «деятельность для себя»); самозванец-марионетка (выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил) и др.¹⁶

«Самозванец» – это человек, присвоивший себе имя и (или) политический статус лица, непосредственно имеющего отношение либо потенциальную возможность осуществления верховной власти. Самозванцем является и тот, кто принял только статус верховного носителя власти, или указывает на родственную с ним связь, что является важным при монархической форме правления (например, если кто-то называется «царским братом», «женихом государыни» и т.д.). К числу самозванцев будет отнесен и тот, кто, принимая царское имя и (или) титул, официально не высказывал

своих притязаний на государственную власть, поскольку титул «царь» воспринимался традиционным сознанием как имя собственное, как одно из божественных имен, и именование человека «царем» приобретало сакральный смысл, что, по существу, уже означало приобщение к властным полномочиям¹⁷.

«Самозванство — категория властная, связанная с властью, претендующая на власть... мы так и не проведем четкой грани между самозванством и узурпацией. Ибо четкой грани нет». Поскольку смена имени — это «возможный способ подключиться к власти», постольку «самозванство — это всегда подмена. Это непременно — когда выдают себя за другого»¹⁸. Подчеркнем, что самозванство — это естественная закономерность развития лидерства, прежде всего, социального. Отсюда вытекают основные свойства самозванства, связанные с тем, что всякое проявление самозванства рассматривается с позиции силы (как волевое воздействие на окружающую среду) и стратегии (как целедостижение). Самозванец выступает в роли менеджера проекта. Суть его лидерства — в жесткой внутренней энергетической структуре личности. Он управляет надеждами, верой, эмоциями окружающих за счет собственного эмоционального потенциала, «работает» с массовым сознанием в контексте социально-политической контролируемости своей деятельности. Политический самозванец — это человек, сумевший агрегировать установки и ориентации окружающих на основе четкого знания «инструкций» — «правил игры» социума.

Политическое самозванство рассматривается как сознательное стремление претендента принять имя и (или) титул верховного правителя, как индивидуально мотивированное действие, которое всегда ориентируется на внешнее признание-поддержку. Проявления политического самозванства — это критическое осмысление самозванцем нормативных границ политики, интерпретация им ситуации дискомфорта, делегитимации власти как требующей определенных действий. Самозванчество же определяется как установившиеся отношения сотрудничества на добровольной основе между самозванцем и социальными группами, поддерживающими его притязания.

Как в исторической, так и в политологической литературе понятия «самозванцы», «самозванство» и «самозванчество» зачастую употребляются как синонимы. В отечественной историографии используется также термин «самозванщина»¹⁹, однако четкой грани между всеми этими понятиями в работах не прослеживается. И поскольку многие из существующих смысловых значений политических самопритязаний противоречат друг другу, вопрос о дефиниции «политического самозванства» может стать самостоятельной научной проблемой.

Представляется, что разграничение указанных понятий необходимо, потому что далеко не каждый случай политического самозванства сопровождался коллективной или массовой поддержкой претендента в обществе. По мнению О.Г. Усенко, понятием «самозванство» охватываются, прежде всего, действия индивида — отдельного человека, решившего объявить себя «царем», «императором» или именем конкретного лица из царской фамилии; сущностью же «самозванчества» является поддержка такого претендента со стороны окружающих, т.е. когда «латентное» самозванство уступает место «явному»²⁰.

«Удельный вес» движения самозванчества всегда исторически²¹ и социально²² конкретен. Основным принципом смыслового разграничения понятий «самозванство» и «самозванчество» является наличие факта социальной поддержки: «самозванство» определяется сугубо личными помыслами и рассматривается как социальное действие, «самозванчество» же рассматривается как социальное взаимодействие. Таким образом, «самозванчество» включает два компонента, которые условно соответствуют стадиям: 1) самого «самозванства» и 2) «мобилизации» тех социальных групп, которые будут вовлечены в реализацию политических действий самозванца. Представляется целесообразным рассматривать самозванство как подструктуру или «эмбриональную» форму самозванчества. Самозванчество — это политическая инициатива субъектов политики, которая представляет собой попытку преодоления дискомфортных состояний, в том числе кризиса легитимности власти; это политическая позиция, которая имеет определенную поли-

тическую силу: действительную (массовую), или слабо выраженную (самозванство).

Поскольку самозванцы постмонархического периода также претендовали на царское имя и титул, представляется перспективным анализ самозванства в контексте институционального и неинституционального подходов²³. В рамках неинституционального подхода сложилось несколько направлений: историческое, социологическое, структурное, нормативное, направление рационального выбора, между которыми имеются существенные различия, но в целом присутствует общее мнение о том, что политические институты — это «правила игры», которые предполагают универсальные (формальные) и партикулярные (неформальные) нормы и санкции, определяющие стимулы к определенному поведению²⁴. Если формальные правила современные политики определяют вполне однозначно, а именно, как законы, конституции, административные нормы, то неформальные правила чаще всего называют рутиной, обычаями, общепринятыми процедурами, привычками, стилем принятия решений, или даже социальными нормами и культурой²⁵.

Обобщая теоретические концепции неинституционального анализа, следует заключить, что неформальные институты возникают спонтанно, стихийно, эволюционно как проявления «естественного», «имманентного», «добровольного» социального взаимодействия без обязательного правового предписания, как этого требуют формальные институты. Особенностью неформальной «социальной интеграции» является во многом определяющий характер функционирования формальных политических институтов. Иными словами, неформальные институты генерируются социально: «на основе самоорганизующейся динамики социального взаимодействия, которая квалифицируется как своего рода символический капитал (доверие, нормы, структуры), рождающий тягу к сотрудничеству».

Собственно институционализация рассматривается как процесс образования специфического набора легитимных социальных норм и правил (функциональных кодов), задающих контекст человеческого существования и взаимодействия¹.

Учитывая то, что между представителями неoinституциональной школы существуют различия в определении понятия «политический институт», а также то, что «культура», «нормы поведения» (неформальные нормы) не являются ни четко определенными, ни формализованными (что вытекает из узкого толкования понятия), остановимся подробно на рассмотрении самозванчества как неформального института в контексте методологических установок неoinституционализма. Это по-видимому возможно, поскольку самозванчество представляет собой определенный тип многократно повторяющегося (с начала XVII по начало XXI вв.) группового поведения, который обусловлен политическими процессами делегитимации власти и в определенной степени оказывает на них влияние. Отметим, что предпосылками самозванчества выступают те же условия, которые находятся и в основе неформальных институтов — традиции, обычаи, моральные и религиозные ценности, социокультурные предпочтения, определяющие политические или социально-экономические стимулы к определенному неформальному поведению, практическому действию.

Так, согласно историческому направлению неoinституциональной теории исследования институтов, институциональный неформальный выбор (самозванчество), совершенный раньше в историческом прошлом в целях изменения какого-то отдельного элемента политической системы или даже системы в целом, оказывает глубокое воздействие как «наследие прошлого» на все последующие политические решения в данном контексте. «Наследие прошлого» выступает в качестве «обусловленного пути» процесса институционализации. Это означает, что даже в условиях модернизации и структурных изменений (трансформации) самого института так называемый первоначальный выбор продолжает оказывать свое воздействие на политические процессы²⁶. Иными словами, самозванчество периода монархии, так называемое традиционное самозванчество, продолжало оказывать влияние на акторов в «выборе» типа политического поведения в условиях кризиса легитимности власти в России постмонархического периода.

С позиции нормативного неoinституционализма наиболее важным является изучение не процедурных компонентов процесса институционализации, а набора общих ценностей, на основе которых принимаются решения и выстраивается поведение, тем самым, с точки зрения данного направления, любые типы поведения рассматриваются как обусловленные коллективными ценностями²⁷. В контексте данных рассуждений следует отметить, что потенциальные самозванцы и социальные группы, их поддерживающие, обладают неким общим «знанием», которое включает их представления о «правильности» своего и чужого (в данном случае верховного правителя) поведения, а также осмыслением и обоснованием своей функции (миссии) в процессе самоидентификации. Однако, на наш взгляд, объяснение влияния в политике различного рода «символов», «верований» и других культурных факторов возможностью их воплощения в неформальных и формальных институтах, определяющих направленность процесса политической институционализации, подменяется понятием «политическая культура», и, таким образом, сталкивается с проблемой таутологии, в связи с чем определение самозванчества как неформального института становится достаточно расплывчатым и недоступным верификации.

При этом в контексте теоретических посылок неoinституционализма можно отметить, что политическое самозванчество в России имеет лишь некоторые признаки неформального политического института, а именно:

1. Самозванчество является одной из составляющих на различных этапах развития российского политического процесса длительного периода: с начала XVII по начало XXI вв. Выделяются такие основные черты самозванчества, как: во-первых, добровольное сотрудничество, выступающее источником групповой социальной интеграции; во-вторых, естественность возникновения (рефлексивность) в условиях кризиса легитимности власти, его имманентный характер проявления в процессах делегитимации власти; в-третьих, периодическая повторяемость в контексте проявления «недовольства» подвластных по отношению к политической власти.

2. Самозванчество представляет собой повторяющиеся во времени нормативные образцы социальных связей, которые определяются как легитимные некоторыми субъектами политики, принимавшими участие в движениях самозванчества.

3. Самозванчество обладает регулятивным потенциалом в процессах легитимации и делегитимации политической власти, поскольку находится во взаимосвязи с политическими институтами и имеет определенную степень влияния на них в условиях кризиса легитимности власти, выступая в качестве «иллюстрации» делегитимной власти; степень такого влияния зависит от уровня социальной поддержки самозванчества.

Вместе с тем, при изучении самозванчества в контексте неоинституционализма автором не выявлено достаточно признаков для рассмотрения самозванчества как неформального политического института. Можно утверждать, что с точки зрения структурного взаимодействия и процесса институционализации политических институтов политическое самозванчество в России не является неформальным политическим институтом. Традиционное самозванчество, и тем более, посттрадиционное не оформились как неформальный институт, как смыслообразующая группа действующих субъектов, которая способна конструировать взаимодействие власти и подвластных, и, тем самым, создавать предпосылки для снижения «неопределенности в межличностных взаимодействиях, транзакционных издержках, и установлении устойчивой (однако не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми»²⁸.

Одновременно с этим, исследование самозванчества как неформального института представляется затруднительным и в виду недостаточной теоретической разработанности неоинституционального подхода в политической науке, вариативности определений и признаков политических институтов.

Поскольку в ходе наших рассуждений мы приходим к выводу о том, что самозванчество проявляется как групповая социальная интеграция, определенное социальное взаимодействие, которое определяется совокупностью позиций и убеждений (коллективными ценностями и нормами), раз-

деляемыми всеми участниками данной «общности», а главное, совместным достижением целей, задаваемыми социальными ценностями, постольку, на наш взгляд, выделенные характеристики самозванчества более отчетливо выявляют природу социальных движений. Они сочетают в себе функции сотрудничества, оппонирования и критики по отношению к политическим институтам, имея своей целью воздействовать на институты управления в обществе. Такие движения не имеют устойчивого институционального статуса, в них задействовано ограниченное число индивидов, и большинство членов общества не является их участниками и, с точки зрения деятельностного подхода, демонстрируют пассивность²⁹. Движения возникают вследствие напряжений в общественной структуре и представляют собой иррациональную реакцию на них. Теоретические положения данного (во многом системного) подхода дополняет теория самореферентных социальных систем Н. Лумана, согласно которой самозванчество — это одна из самовоспроизводящихся подсистем общества, «самореферентная система своеобразного типа», выполняющая функцию иммунной системы общества, и указывающая на нарушения общественной коммуникации, где мотивационной базой выступают представления о едином «центральном» конфликте, одной из сторон которого является социальное движение, а другой — политическая система³⁰. При анализе движений политического самозванчества³¹ периода XVII — XX веков можно сделать вывод, что движения самозванчества из стадии формализации (стадии организованности), «минуя» стадию институционализации, переходили в стадию распада движений. На наш взгляд, стадия формализации движения, когда самозванец был способен трансформировать недовольство масс в автономное политическое поведение, а «диффузную» причину протеста — в реальную цель и в «установление контрагента», была конечной стадией развития движений самозванчества в целом, поскольку самозванчество так и не изменило сущности политической системы российского общества.

С точки зрения социально-психологического анализа самозванчество периода монархии имело защитную (сохранения традиционных ценностей) и «терапевтическую» (выхода

негативных эмоций) функции. С позиции же деятельностного подхода самозванчество выполняло как функцию аккумуляции интересов, настроений широких народных масс, создавая определенную политическую силу, сосредоточенную на решении конкретной политической задачи, так и функцию «социального контроля» за соблюдением политической властью норм легитимной политики. Самозванчество периода монархии выступало в целом в качестве «иммунного» регулятора политической системы российского общества.

Примеры самозванчества в политической истории России демонстрируют, скорее, стремление широких слоев народных масс к интеграции в политическую систему (получить право «быть услышанными» властью), тогда как в странах Западной Европы самозванчество было, прежде всего, формой политической борьбы за власть, рациональным поведением в целях получения определенных политических результатов. «Если в Европе такие лидеры вроде Кромвеля, Робеспьера, Марата не прячутся под чужим именем, видя самих себя инструментом высшей справедливости, то на Руси ролевая революция чуть ли не с неизбежностью принимала характер самозванства, когда даже яркий харизматический лидер выступал не сам по себе, а “под именем” или “от имени”»³².

В заключение отметим, что самозванство в контексте понимания его как феномена российской социально-политической жизни необходимо исследовать лишь комплексно, т.е. с применением разных теоретико-методологических подходов на «стыке» истории, политологии, социологии, психологии и культурологии. Политическое самозванство не может рассматриваться в качестве отдельных исторических фактов, оно всегда представляет собой политически и культурно обусловленное явление. Изучение природы самозванства через призму затронутой Бердяевым антиномии, что русские и аполитичны, и политичны в равной степени, рассуждений обществоведов, что идентичность русских не в официальной «государственной идеологии», а в отстраненности от нее сегодня также востребовано научным дискурсом как и на рубеже XIX — XX вв. Представляется своевременным рассмотрение данного феномена в контексте новой прагматической антропологии и персонологии.

Из дискуссии

В.М. Розин: У меня вопрос о самом понятии самозванства. Если я сознательно обманываю, вряд ли я смогу достигнуть результатов. Большинство самозванцев в истории не просто обманывали, они действительно принимали на себя эту миссию, эту роль и дальше. Можно Ивана Грозного считать самозванцем, потому что возводил свою родословную от Августа? Мы больше говорим о самозванстве как о прямом обмане. Но ведь это как раз не интересный случай. Самые интересные случаи — другие. Кто — самозванец, а кто нет? Иван Грозный: самозванец или нет?

М.С. Арканникова: Самозванец в моем понимании — это политический феномен, человек, который притязает на имя или царский статус с определенным целедостижением, прежде всего благодаря наращиванию социальной поддержки. Если этой поддержки не будет, то он останется один. В этом случае такой человек все равно будет самозванцем, но такая форма самозванства в самозванчество так и не перерастет. Я ограничиваю свой анализ самозванством Лже-Дмитрия, Петра Первого, Емельяна Пугачева, рассматривая их в контексте институциональных, социокультурных причин и предпосылок, культурной значимости, символизма, законотворческой деятельности, т.е. через призму, в числе прочего, и социокультурных форм. В этой связи важен исторический фон, контекст. Я проследила феномен самозванства с рубежа XVI — XVII веков, т.е. со времен первого самозванца, по 2002 год, когда в Петербурге короновался некий Николай III. Я попыталась связать проявления самозванства с определенными институциональными причинами. И самой главной такой причиной является кризис легитимности власти, как это было, когда прерывалась династическая преемственность, что мы наблюдали в Смуту, или когда у нас бытовали легенды о самозванце на троне, когда Екатерина II рассматривалась как самозванка, которая нелегитимно пришла к власти. Понятно, что феномен самозванчества теряет свой динамизм где-то в 30 — 40-х годах XX столетия. Были явления в лице Анастасии, Алексея, но они, конечно, не могут сравниться с XVIII веком, когда только на период Екатерины II приходится 80 проявлений.

Г.Л. Тульчинский: Возможны ли критерии отличия самозванства от призвания?

М.С. Арканникова: В этом отношении поставить четкую границу, наверно, сложно... Должна учитываться некая мотивационная составляющая. Кроме того, что он принимает имя и готов с этим именем существовать, должна быть еще, наверное, какая-то деятельностьная составляющая. Тема самозванства настолько актуальна, сложна и междисциплинарна, что сейчас я очень рада

этой возможности посмотреть на проблему с разных сторон — не только исторически или политически.

Ю.В. Шичанина: Чем политическое самозванство отличается от самоидентификации? Когда я себя именую так-то и так-то, я притязая на определенную роль во власти. Это всегда связано с идентификацией, распознаванием, сличением и реализацией. И все это чистое самоидентифицирование, потому что я не просто думаю, как мне себя назвать, какой пол мне выбрать, назвать ли мне себя по паспорту или взять какое-нибудь другое имя, но еще и выбираю систему идентификации, выбираю формат — в одно-классниках мне зарегистрироваться или в сети профессионалов. И вот, допустим, если мы берем самоидентификацию, тут важно различать — как и какая социальная общность воспроизводит определенную социальную структуру. Если нас интересует информационная сеть, то она воспроизводит какие-то коды, имя, какие-то параметры, которые позволяют отослать к какой-то, возможно, реальной персоне.

М.С. Арканникова: В политическом самозванстве тоже есть свой символизм в виде знаков, в виде законодательской деятельности, наличия свиты, наличия определенных ролей и т.д., чтобы идентифицировать данную личность. На примерах Петра Первого, Емельяна Пугачева мы можем наблюдать это в классическом варианте.

И.И. Ашмарин: Различие, наверное, все-таки дисциплинарное. Самозванство носит оттенок сугубо политологический. Это не просто самоидентификация, это все-таки исторически сложившееся явление. Оба Лжедмитрия были самозванцами. Ленина же нельзя назвать самозванцем, потому что он идентифицировал себя с мессией.

М.С. Арканникова: Существуют типологии самозванства: религиозного, статусно-сакрального, и т.д.

И.И. Ашмарин: А сейчас возможно самозванство в политике?

М.С. Арканникова: Если кто-нибудь примет имя Дмитрия Анатольевича Медведева или имя любого другого президента (я имею в виду «президент» как должность), то возможно. У нас, наверное, таких самозванцев не появится. Сегодня нет той социокультурной подушки, той питательной почвы в виде легенд, определенного состояния сознания, которое было бы готово реагировать на появление самозванцев. Кроме того, имеют значение политические причины, сложившиеся на рубеже XVI — XVII и даже XIX — XX столетий.

Х.Э. Мариносян: На мой взгляд, этот субъективный фактор, символизация сознания масс, фактор мифологизации — очень высокий сегодня, поэтому и сегодня политическое самозванство

точно также возможно, как и всегда. Дело в том, что символизм, символическая основа нашего сознания никуда не уходит. Присутствует это и в интернете, есть это и в повседневности — повсюду.

М.С. Арканникова: Отчасти согласна с Вами.

Г.Л. Тульчинский: Автопроект можно понимать в двух смыслах: либо как личную активность субъекта в его разработке и реализации, либо в смысле автоматизма, как автоматическую реакцию субъекта на действие факторов, от самой личности не зависящих. Так, наверное, и в самозванстве? Есть модель самозванства, когда человек объявляет себя кем-то для каких-то целей и, соответственно, формирует некую среду, которая его поддерживает. Но есть и другая модель, когда «короля играет свита», когда сам человек и не помышлял об этом, а его толкают, формируют, и только потом на какой-то стадии он входит или не входит в роль. Это как не самозванство, а «званство»?

М.С. Арканникова: Историки (и даже большинство их) говорят о том, что все-таки Отрепьев не сам назвал себя царевичем Димитрием. У него самого мотивационная составляющая была проявлена в меньшей степени, чем у той свиты, которая хотела видеть царем именно этого человека. Я думаю, что это самозванство, ведь, если вам навязали эту роль, если вы принимаете решение играть ее, то какая разница, чья была инициатива? На нашем круглом столе прозвучала реплика, что, если ты себя не идентифицируешь, то за тебя это сделают другие. Может быть, это и не самое корректное приложение, но смысл, наверное, тот, что Отрепьев — самозванец в обоих смыслах.

А.И. Кузнецов: Вот уже второй день нашего Круглого стола я убеждаюсь в том, что то, что было задачей для историков, философов, стало императивом для всех. Основанием выбора автопроекта всегда и во все времена было одно и то же: я сам и мое окружение. Множественность оснований выбора — это как раз то, что нам помогает. И есть всего несколько вещей, которые мы не можем обойти. Это факт одиночества, если мы говорим об автопроекте; это факт смерти и факт этот заключается в том, что здесь у нас нет выбора. Я хочу сказать, что в большинстве случаев люди не то, что не доросли до выбора, а не доросли до его контекста, до свободы. Я знаю очень мало свободных людей. Они не то, что до автопроекта — даже до греха не доросли. Поэтому мой вопрос о реальностях: перестала ли вырабатываться в должном объеме смысловая субстанция — вот это как раз и является корнем и проблемой. Или, скажем, у человека нет собственного жизненного проекта, но он понимает, что жить так, как он живет — нельзя. Соответственно ему надо найти какой-то субъект, образ, который существует осмысленно. И это еще одно направление развития темы.

М.С. Арканикова: В своей диссертации я отчасти осуществила попытку типологии самозванства, вызванного притязаниями, появившимися в силу каких-то «несбывшихся мечт», стремления изменить сложившуюся ситуацию, традиции. Я выделила типы самозванца-защитника, самозванца-марионетки, самозванца-мошенника и т.д. Думаю, такой подход можно дополнять, расширять уже как раз нашими общими усилиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В странах Западной Европы в отличие от России самозванство исчезло еще в XVIII в., что было обусловлено, прежде всего, изменением типа легитимности, основанного на доверии граждан к устройству государства и к политической системе в целом.

² Быт. 27.

³ См.: *Короленко В.Г.* Современная самозванщина. Самозванцы гражданского ведомства // Русское богатство. 1896. № 8. — С. 120 — 121.

⁴ Там же. — С. 131 — 135, 138 — 139, 150; Самозванцы // Энциклопедический словарь / Сост. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. — СПб., 1900. Т. 56. (XXVIII а). — С. 208.

⁵ Подробно религиозное самозванство проанализировал О.Г. Усенко в работе «Самозванчество в России XVII — XVIII вв.» (Психология социального протеста в России XVII — XVIII веков. — Тверь, 1997. Ч. 3. — С. 53 — 57).

⁶ См.: *Дорофеев В.В.* Самозванцы: к истории появления слова. — Оренбург, 1994. — С. 4 — 5, 19.

⁷ См.: Самозванец. Самозванство // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1882. Т. 4. — С. 133, 208.

⁸ См. цитировавшиеся словарные статьи. Во многих современных словарях термины «самозванец» и «самозванство» отсутствуют вовсе (см.: Политоология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. — М., 1993; Толковый словарь русского языка. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Склиаревской. — СПб., 1998).

⁹ См.: *Усенко О.Г.* Самозванчество в России XVII — XVIII вв.; *Усенко О.Г.* Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. 2002. № 5 — 6. — С. 39 — 51. См. также: *Мауль В.Я.* Социокультурное пространство русского бунта: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Томск, 2005. — С. 5.

¹⁰ Особо следует выделить *историографические работы* В.И. Буганова, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, Р.Г. Скрынникова, С.М. Соловьева. В отечественной исторической литературе появляются попытки статистического анализа фактов проявления самозванства (см.: *Усенко О.Г.* Монархическое самозванчество в России в 1762 — 1800 гг. (опыт статистического анализа) // Россия в XVIII столетии. — М., 2004. — С. 290 — 353; *Низовский А.Ю.* Самозванцы на Руси. — М., 2006).

¹¹ *Павленко Н.* Рассказывание по-петровски // Родина. 1997. № 7. — С. 32.

¹² См.: *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. В 9 т. — М., 1987; *Гнатюк О.Л.* Русская политическая мысль начала XX века: Н.И. Кареев, П.Б. Струве, И.А. Ильин. — СПб., 1994. — С. 106 — 107; *Эй-*

- дельман Н.Я. Грань веков: политическая борьба в России конца XVIII – начала XIX столетия // В борьбе за власть: Страницы политической истории России. XVIII век. – М., 1988. – С. 284 – 584; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XVIII вв. – М., 1967. – С. 29.
- ¹³ См.: Самозванство // Родина. 1993. № 11. – С. 7 – 12; Аннинский Л. Самозванство // Родина. 1993. № 11. – С. 13; Живова Г.Я. Кризисы легитимной власти в истории России // Легитимность власти в России: история и современные проблемы: Тезисы докладов Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 22 – 25 июня 1994 г. – СПб., 1994. – С. 74 – 75.
- ¹⁴ См.: Смирнов И.П. Самозванство, или Ролевая революция // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. 2001. № 13; Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек. 2008. № 1. – С. 43 – 57.
- ¹⁵ Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л., 1984. – С. 16 – 19.
- ¹⁶ См.: Васецкий Н.А. Самозванцы как явление русской жизни // Наука в России. 1995. №3. – С. 59; Андреев И. Анатомия самозванства // Наука и жизнь. 1999. № 10. – С. 111; Эйдельман Н.Я. Грань веков. – С. 315; Усенко О.Г. Самозванчество в России XVII – XVIII вв. – С. 66 – 67; Арканникова М.С. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России: дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук. – СПб., 2005. – С. 98 – 100 и др.
- ¹⁷ При этом следует учитывать, что в православной религиозной традиции слово «царь» было также одним из эпитетов Христа, а слово «государь» имело и другие значения, помимо указания на верховного правителя (см.: Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. – М., 2000. – С. 76 – 77, 117 – 118).
- ¹⁸ Аннинский Л. Самозванство. – С. 13.
- ¹⁹ См.: Тихомиров М.Н. Самозванщина // Наука и жизнь. 1969. № 1; Фирсов Н.Н. Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. – СПб., 1906. – С. 42; Короленко В.Г. Современная самозванщина. Самозванцы гражданского ведомства. Наряду с данными работами следует отметить и современные исследования, в которых авторы также оперируют понятием «самозванщина»: Уланов В.Я. Разиновщина // Три века: Россия от смуты до нашего времени. – М., 1991. Т. 1. – С. 227 – 254; Усенко О.Г. Самозванчество в России XVII – XVIII вв. – С. 36 – 74; Усенко О.Г. Диалектика монархического самозванства и самозванщины в России второй половины XVIII в. // Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории: Материалы всероссийской научной конференции (15–17 сентября 1999 г.). – Орёл: ОГУ. 2000. – С. 128 – 131.
- ²⁰ Усенко О.Г. Самозванчество в России XVII – XVIII вв. – С. 37 – 38; Усенко О.Г. Кто такой «самозванец»? – С. 39 – 51.
- ²¹ В том числе наличие у самозванца «символического культурного признака», который имел выражение в виде «царских знаков» на теле у претендента на царский статус.
- ²² Система статусов и ролей социального института, которая выражается в «устных и письменных кодексах поведения» в самозванчестве

- имела проявление в форме присяги на верность самозванцу, в наличии у самозванцев «царской свиты», в виде «законотворческой» деятельности многих самозванцев и др.
- ²³ См. более подробно: *Арканникова М.С.* Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти в России.
- ²⁴ См.: Политические институты // Политическая наука: новые направления. — М., 1999. Гл. 6. — С. 156 — 173.
- ²⁵ Там же. — С. 160; *Меркель В., Круассан А.* Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Политические институты. 2002. № 2. — С. 20 и др.
- ²⁶ Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. — М., 1999. Гл. 7. — С. 223; См. также: *Гельман В.Я.* Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования. 2003. № 4.
- ²⁷ Политические институты: вчера и сегодня. — С. 223.
- ²⁸ См.: *Норт Д.С.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — С. 17, 21.
- ²⁹ *Фролов С.С.* Социальные движения // Социология. — М., 1996. Гл. 15. — С. 286.
- ³⁰ См.: *Смелзер Н.* Социология. — М., 1994; *Луман Н.* Власть. — М., 2001; *Головин Н.А.* Новые общественно-политические движения как предмет политической социологии // Социология и социальная антропология. — СПб., 1997. — С. 170 — 175 и др.
- ³¹ В процессе своего развития социальные движения проходят четыре одинаковые стадии: беспокойства, возбуждения, формализации и институционализации (см.: *Фролов С.С.* Социальные движения. — С. 292 — 295; *Штомпка П.* Структурирование общественных движений // Политология вчера и сегодня. Вып. 4. — М., 1992. — С. 104 — 105.
- ³² *Тульчинский Г.Л.* Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек. 2008. № 1. — С. 43 — 57.